



#LITERANOVA

СБОРНИК

**Максим Черкас
Валерий Железнов
Вадим Кузнецов
Анастасия Букреева
Екатерина Чёткина
Василий Севрюк
Алексей Ведёхин
Артур Журавлёв
Григорий Неделько
#LiteraNova. Сборник**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101305

ISBN 9785448346781

Аннотация

Сложнее всего – написать аннотацию... Читабельную, маркетинговую, хорошую! Чтобы заглянуть на страничку книги в Интернете и сказать себе: «Ах! Беру! Покупаю!». Больше мне нечего добавить как составителю и одному из авторов. Берите! Покупайте! Ахайте от неожиданности и удовольствия!

Содержание

Хлеб наш насущный	6
Анастасия Букреева	6
Тьма	6
Ганди молчал по субботам	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

#LiteraNova

Сборник

Алексей Ведёхин

Валерий Железнов

Григорий Неделько

Екатерина Чёткина

Артур Журавлёв

Василий Севрюк

Анастасия Букреева

Максим Черкас

Вадим Кузнецов

© Алексей Ведёхин, 2016

© Валерий Железнов, 2016

© Григорий Неделько, 2016

© Екатерина Чёткина, 2016

© Артур Журавлёв, 2016

© Василий Севрюк, 2016

© Анастасия Букреева, 2016

© Максим Черкас, 2016

© Вадим Кузнецов, 2016

© Владимир Аганеев, дизайн обложки, 2016

© Александр Суворин, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4678-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хлеб наш насущный

Анастасия Букреева

Тьма

Мама и папа хотели только самого лучшего. Поэтому много работали, домой приходили поздно, говорили мало и часто ссорились. И всегда у них были разные дела, настоящие и придуманные. Они облепили их с ног до головы, присосались пиявками, стянули бесконечными веревками проблем, и, в конце концов, родители почти перестали дышать. А Данька таких дел страшно боялся. От пиявок и жгутов он прятался под столом и вылезал оттуда только, когда про него вспоминали.

– Что ты там сидишь в темноте? – строго спросил папа.

– Папочка, он тебя задушит, – предупредил Даня и вцепился в хищный язык темно-красного галстука, завладевшего его отцом. Однажды папа вернулся домой с этой удавкой на шее. Мама сказала, что он теперь совершенно другой человек – начальник. А куда человеко-начальники прячут свои прежние версии, она не сказала.

– Какие глупости! Иди и делай уроки, иначе станешь

дворником.

– Сейчас, папочка, – ответил Данька, с ужасом представляя себе грязного бородатого дядьку с метлой, каким ему предстояло стать в будущем. А в том, что это будет так, он уже не сомневался.

Словно зверек в капкане мучился Данька, пытаясь решить простенькую математическую задачу. Цифры скакали со страницы на страницу, разбежались в разные стороны, рассыпались на кусочки, собирались в другие циферки... Даня взял карандаш и превратил корявые холодные линии в букет фантастических цветов.

– Рисуетса само, – прошептал он удивленно. – Папа, у меня волшебный карандаш!

Но папа в волшебство не верил и так посмотрел на него, что Данька попятился и снова залез под стол.

От мамы всегда хорошо пахло, и ногти у нее были длинные крепкие, как стальные ножи. Маникюрша и парикмахер приходили к ней сами, потому что у мамы не было времени бегать по салонам. Даня с большим удовольствием подарил бы ей немного своего времени, если бы знал, как это сделать.

– Надо отдать его в футбольную секцию, – говорила мама. – Я не хочу, чтобы он сидел под мебелью и разрисовывал обои. Не хочу, чтобы его считали странным и чтобы он умер под забором.

Мама считала, что все странные люди неизменно и быст-

ро умирают в самых печальных условиях или отрезают себе уши, как Ван Гог. О Ван Гоге Даня ничего не слышал, но рисовать перестал. Он не хотел расстраивать маму.

В прикрытом скатертью темном углу Данька хранил несметные сокровища: блокнот с замочком, большую перламутровую ракушку, компас со светящимися стрелками, двух оловянных солдатиков. Еще у него под столом жил плюшевый заяц, сшитый бабушкой-невидимкой. Даня бабушку никогда не видел и поэтому был очарован ею. А в маленькой железной коробочке из-под конфет хранились монетки из разных стран мира. Мама не любила их и говорила, что по ним туда-сюда бегают армии иностранных микробов. Данька в микробов не верил. Но все же взял и вымыл монеты шампунем, чтобы они пахли так же хорошо, как и мама. Шампунь не помог. Монеты пахли деньгами, и мама их так и не полюбила.

Сидя под столом, Данька невольно подслушивал однообразные разговоры родителей о его, Данькиной судьбе. Папа говорил, что он непременно должен поступать на экономический факультет. А мама считала, что у юристов перспективы гораздо больше.

– Мы пошлем его в английский колледж, там самое лучшее образование, – говорила она. – А куда современному человеку без хорошего образования? Только в дворники.

Даня разговоров не любил. Он незаметно вылезал из своего укрытия и забирался на подоконник. Дане нравилось

смотреть в окно и наблюдать за миром. Его до самой глубины души удивляло вечернее солнце, исчезающее где-то на краю Земли алым расплывчатым яблоком. Он допускал, что Земля круглая. Но допускал также и то, что у нее может быть край и даже несколько краев...

– Почему он все время ходит один? – беспокоился папа. – Почему один? Не смотрит телевизор, не подходит к компьютеру. Это нормально? Неужели ему не скучно?

«Почему мне должно быть скучно? – недоумевал Данька. – Разве я сам по себе не интересный?» Телевизор Даня не смотрел с тех пор, как в четыре года полил его из чайника. В новостях показывали войну и горели дома. Он хотел все исправить...

Однажды мама и папа решили, что так жить нельзя, и повели его на день рождения соседского ребенка. Праздник проводили в странном месте, где взрослые с умным видом кидали пушечные ядра в беззащитные кегли. К празднику мама долго готовилась, даже отпросилась с работы, даже зашла в модный салон, чтобы ей разгладили лицо. Потому что с морщинами ходить в гости неприлично. На день рождения шел Даня, но подарок имениннице почему-то выбирал папа.

– Все удивятся твоему подарку, сынок. Уверен, он будет самым лучшим.

Даня так и не понял, что за таинственная нанотехнология скрывалась в черном плоском предмете, который он торжественно вручил незнакомой накрашенной девочке в розовом

платье. Девочка, по виду чуть старше Дани, возвышалась над ним на высоких взрослых каблуках.

– Тебе не больно? – с сочувствием спросил Даня. Он-то видел, как красивое мамино лицо иной раз искажала гримаса переживаемых страданий.

– В сандалиях и кроссовках ходят только в деревне. Это так некрасиво! А какой у тебя мобильник?

У Дани телефона не было. По правде говоря, он постоянно все терял, и ему перестали их покупать. Узнав об этом, именинница неприятно удивилась и побежала убивать кегли.

Взрослые обсудили расписание ближайших концов света и, невзирая на грядущий апокалипсис, решили выяснить, кем мечтают стать их обожаемые отпрыски.

– Андрюша, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

– Я буду адвокатом.

– А ты, Сережа?

– Финансовым магнатом.

– А ты, Анечка?

– У меня будет своя косметическая фирма.

– А ты, Оленька?

– Я буду президентом.

Все смеются. Всем хорошо, они рады и спокойны за будущее своих детей и свое будущее тоже.

– А ты кем будешь, Даня?

– Я буду дворником.

Наверное, мама и папа решили, что он не интересен

не только для себя самого, но и для всего остального мира, поскольку с тех пор в гости они не ходили. И приглашать их никто не спешил. После этого случая вся семья решила спрятаться. Папа – в телевизор, мама – в магазины, а Даня по обыкновению укрывался под столом.

В Даниной семье читать было не принято. На книжных полках стояли мамины детективы и папины учебники по менеджменту. Но настоящих книг в доме не было... А Данька, как назло, очень любил читать. Чувствуя, что Земля не всегда бывает круглой, Даня, в конце концов, решил написать книгу сам. Он взял тетрадь, ручку и принялся что-то выдумывать неровным медленным почерком. Полностью погрузившись в другую вселенную, он склонился над своими мыслями и исчез из реального времени. Не поднял голову даже, когда в комнату вошел отец и вдруг заговорил с ним.

– Как дела в школе?

– Не знаю, папа, послушай, я написал историю.

– Молодец. А уроки ты сделал?

– Еще нет, но я придумал сказку.

– Я рад. А зачем?

Данька растерялся.

– Чтобы быть счастливым, – медленно ответил он.

– Почему именно так? – не понял отец, повернувшись к телевизору.

– Ты... все-таки не включай его, папочка.

Но папочка уже включил.

– Ну и что ты опять придумал? – вдруг спросила мама и села рядом.

Данька разволновался и покраснел.

– Я придумал настоящую сказку!

– Я рада, – маме почти удалось изобразить заинтересованность на своем лице, но Даньке показалось, что так даже хуже.

Он сочинил хорошую сказку. Про волшебный город с четырьмя магическими башнями и двух братьев, которые защищали его от Тьмы. Он так и написал с большой буквы – Тьма.

– Когда Тьма нападала на человека, она заворачивала его в черную простыню и усыпляла его душу, – гробовым голосом вещал Данька. – Человек становился очень скучным и жадным. И очень равнодушным. С ним можно было делать все, что угодно. Он был рабом. Маленькие дети тоже становились такими. Ведь не у всех людей были волшебные имена, чтобы бороться с Тьмой.

– Волшебные умения ты хотел сказать? – уточнил папа, не поворачиваясь.

– Нет, я хотел сказать – волшебные имена. Человек же их имеет.

– Что имеет? – не поняла мама.

– Дары.

– Какой человек?

– Братья-воины.

– Так и говори, тебя трудно понять, – папа широко зевнул.

– Только они имеют?

– Раньше все имели, но потом потеряли. И когда Тьма завладела всеми жителями города, наступили темные времена.

– Ты немецкий сделал? – спросила мама.

– Не успел, – нетерпеливо отмахнулся Данька.

– Люди не знали, что они живут во Тьме. Они думали, что все в порядке, а на самом деле, они были пустые. Тьма ела их внутри. Тьма дала им много богатств даже. Чтобы они не думали. Они никому не верили, если... то есть, когда им говорили...

– Ты выучил умножение на семь и восемь? Мы же договаривались. Я же просила тебя.

Смяв листы бумаги, Данька разрыдался.

– Это не мужское дело, – строго заметил отец.

– Вы меня не слушаете.

– Мы тебя любим, – сказала мама.

– Не надо тратить время на сказки, – сказал папа. – Жизнь такая, что ты должен думать о будущем прямо сейчас. Понимаешь? Потом ты скажешь спасибо и мне, и маме. И не надо плакать.

– Вот ты, когда в последний раз плакал? – спросил Данька.

– Не помню. Я не умею. Времени нет. Я, сынок, прихожу домой поздно вечером, и мыслей никаких нет. Череп пустой.

– Я бы от этого каждый день плакал. Если бы со мной такая безмысленность была.

– Бессмысленность?

– Нет, безмысленность. Это когда наступают темные времена. Почему ты так живешь?

– Потому что все так живут. Потому что от меня зависят другие люди. Это нормально. Никто не говорил, что жить легко.

– А ты так не умрешь?

«Может, уже умер», – промелькнула и исчезла тревожная мысль, но вслух отец ничего не сказал. А через секунду про все забыл, потому что череп пустой.

Когда Тьма наступала на человека, она заворачивала его в черную простыню и усыпляла его душу. «И что это за штука такая – душа, – подумал Даня. – Можно ли ее подержать в руках или нарисовать?»

– Мама, как выглядит душа?

– Кто дома? Сын, телевизор и муж...

Мама болтала по телефону, папа смотрел футбол.

Даня забрался на подоконник и прижался к прохладному стеклу, будто к живому существу. По двору шел дядька с метлой, остановился и ни с того ни с сего помахал ему своей огромной рукавицей. Возможно, быть дворником не так уж и страшно? У них нет начальников, галстуков-удавок и нанотехнологий, воздействующих на мозги. Подметаешь себе, размышляешь, кормишь бродячих собак... А потом приходишь домой, пьешь вкусный чай с шоколадкой, сочиняешь сказки и рисуешь души. Данька хотел было броситься к ро-

дителям и рассказать об этом, но быстро передумал и залез под стол. Там было светлее.

Ганди молчал по субботам

Цветы рождаются в асфальте. Маленькие хилые бутоны с пушистой пыльцой пускают корни сквозь вены и провода, ломают серый городской панцирь, нарушают правила. Они живут без мыслей. Молча. И при этом они счастливы.

Я сижу, прижавшись к холоду темечком. И со всех сторон на меня смотрят стены и тела без разбору. В конце дня мне нравится висеть на поручне в полупустом вагоне и смотреть на людей. Теперь они – моя семья.

А я любил свою семью. Мы были тихими и нежными, не ругались по пустякам и говорили друг другу правду. Папа, мама, дедушка, Карамелька...

Когда наступил апокалипсис, я думал о еде. Есть такая странная еда, в существование которой трудно поверить. Например, селедочное масло. Мама никогда не кормила нас селедочным маслом. Но я знал, что в мире есть китайские супы, картошка в порошках с сушеной зеленью и куриные кубики «Магги»... Я мечтал о них. Однажды папа рано пришел с работы и сел с нами ужинать. «Лучше я скажу это сейчас, – сказал он. – Я ухожу».

А я сказал: «Мама, я хочу бутерброд с селедочным маслом. Сделай, пожалуйста».

«Сегодня пельмени», – сказала мама и поставила кастрюлю на стол. Дедушка демонстративно встал и ушел в свой угол. Когда он вернулся, на нем была старая военная форма. Я спросил, куда он собрался. Он ответил, что на войну. Я спросил, на какую. Он ответил, что будет защищать братьев-славян от бандеровцев. Такой был дурацкий день...

На утро я проснулся с болью в правом боку и в моей голове. Я выпил бутылку бурбона, которую стащил у папы. Выпил в мыслях. Вживую не удалось. Но я решил, что никогда не буду пить бурбон. В этот же вечер в нашем доме появилась Лизанька. Она была старше папы лет на десять, но точно сказать не могу, потому что она сама не знала, сколько ей лет. Документы Лиза потеряла. Розовая кофта, тележка и плюшевая игрушка с синим бантом – вот все, что я о ней знал. А в то, что Лизанька иногда говорила, верить было нельзя. Да она почти и не говорила. И я не слушал ее. Просто спросил: «Хочешь бутерброд с селедочным маслом?» Она кивнула. Так мы и подружились. Вечером, когда мама и папа вернулись домой, я познакомил их со своей подружкой.

– Когда ты принес домой котенка, я ничего тебе не сказал, ты помнишь, – сказал папа. – Но это не щенок и не хомячок. Как ты мог?

– Когда ты приведешь сюда эту свою секретаршу, я тоже ничего не скажу, – ответил я.

– Как можно сравнивать? Она – не секретарша.

А мама сказала, что ничего страшного не случилось. Что

мы отведем Лизаньку обратно, в метро. И сообщим какому-нибудь обществу по защите бездомных. И что мы все еще друг друга очень любим. Просто папу мы будем видеть немножко реже. Папа согласился и сказал, что я – молодец, что людям надо помогать и что любовь – это самое главное. С тех пор папа стал Родителем 1, а мама – Родителем 2. Так мне было проще усваивать официальную информацию, исходящую от них.

Я вдруг понял: ни за что не позволю увести Лизаньку обратно. Ведь главное в этой жизни – любовь к ближнему. И еще – что слишком рано я не умру. Я же не гений и не святой какой-нибудь. Это их Туда собирают гроздьями. Без хорошей компании Там, наверное, скучно. Я сказал об этом Лизаньке. Она кивнула. Я спросил у Лизаньки, почему она все время молчит. А она мне – что-то про Ганди. Только я не понял, причем здесь Ганди.

Вечером Родитель 1 отвел Лизаньку обратно в метро, а утром мы с ней уже играли в шахматы в моей комнате. Судя по всему, Лизанька никогда не играла в шахматы раньше. Я подумал, что должен отдать свою кровать страждущему, и уложил ее спать. Оказалось, что Лиза храпит. Родитель 2 услышала и закатила скандал. А я на это ответил, что раз Родитель 1 все равно с нами жить не будет, я могу спать в его кабинете. А ближним надо помогать. Дедушка посмотрел на все это и ушел в свой угол. Через полчаса он вышел в коридор с охотничьим ружьем.

– Деда, ты куда? – спросил я.

– На войну, – ответил дед.

– На какую войну?

– Буду защищать братьев-славян от русских сепаратистов.

Родитель 2 позвонила Родителю 1 и пожаловалась на меня, на деда и на Лизаньку. А я сказал, что прыгну с крыши, если Лизаньку у меня заберут. Родитель 2 зачем-то впаала в истерику и заявила: «Она съела Карамельку». «Чушь собачья, – ответил я. – Эта милая женщина – вегетарианка».

На самом деле, я не был так в этом уверен. Наша собака – такса Карамелька – по зодиаку Водолей, поэтому у нее мания величия. Никогда ничего прямо не скажет. А думает о тебе всякое. Иногда от невыразимого восторга пишет в тапки, но все же настоящего зла никому не делает. И если Лизанька ее съела, это очень печально.

Родитель 1 приехал незамедлительно и тоже возмутился гибелью Карамельки. А Родитель 2 сказал Родителю 1, что если он не предпримет каких-либо мер, то меня больше никогда не увидит. И даже никаких денег нам от Родителя 1 не надо. Мы сами будем хорошо жить. А я в это время сидел и подсчитывал, сколько раз в день в среднем человек говорит неправду. Лично я – восемнадцать раз.

Лизаньку отправили в метро. А я весь следующий день раскачивался из стороны в сторону и шептал разные неприличные слова.

– Почему ты так тихо говоришь? – спросил дед.

– Потому что жизнь слишком громкая, деда.

Дед погладил меня по голове и стал кому-то звонить. А Родитель 2 привела мне доктора. Мамин доктор посмотрел на меня и решил, что я странный, потому что аутист. Я спорить с ним не стал. Зачем обижать человека? Он нормальный парень, просто нервный. Родитель 1 порывался уйти к секретарше, но все не решался. А я дождался, когда оба Родителя начали делить имущество, и убежал на улицу.

Однажды я видел, как Лизанька мылась в фонтане на Малой Садовой. Никогда это не сотрется из моей памяти. Но теперь я понял. Мы прячемся в наших тесных уродливых норках от страшного мира за окном. А для Лизаньки весь мир был домом. С этой мыслью я нашел ее все там же, в вестибюле метро, и присел рядом. Я сказал:

– Лизанька, когда я вырасту, я стану предателем, как мой папа. И буду ходить по магазинам, как моя мама.

– Ганди молчал по субботам, – ответила она.

В этой жизни я всегда чувствовал что-то подозрительное, поэтому в десять лет начал разговаривать с камнем. Я нашел его во дворе под скамейкой, нарисовал ему глаза и рот и назвал его Томми. Только Лизанька была лучше. Она иногда прерывала мой монолог. Но вот причем здесь Ганди?

Когда мы с Лизой вернулись домой, на лестничной площадке стояла незнакомая женщина. Звали ее тетя Лена. Она была очень похожа на Родителя 2, но только моложе.

– Вы пришли за папой? – спросил я. И она кивнула.

– Вероятно, я им не родной. Меня взяли из детдома, куда и вернут в скором времени, – объяснил я, и Лизанька кивнула. Я предложил тете Лене сесть с нами на ступеньку. Мне кажется, она никогда не сидела на ступеньках раньше.

– Просто понимаете, тетя Лена, мама не говорит со мной. Она говорит: «Поехали, мне нужна твоя помощь». Мы едем в эти долбаные магазины, тетя Лена, мы едем в эти долбаные магазины на несколько часов. И вот эти несколько часов, они дохнут у вас на глазах. Часы, я имею в виду. А в это время можно было покататься на скейте в парке. Ну, или бороться за мир во всем мире.

У тети Лены было одно очень завидное качество: она ни о чем не спрашивала. Только кивала, как Лизанька. Я вдруг понял, что с этой женщиной отец долго не будет. В какой-то момент секретарша перестанет притворяться, и он увидит в ней маму.

– Я бесполезен?

– Что? – не поняла тетя Лена.

– Мы бесполезны, тетя Лена.

И все же я хотел, чтобы она ушла. Конечно, тетя Лена не виновата. Она просто как бы разрушила нашу жизнь.

Лизанька осталась с нами жить. Никто больше не возражал. Плохой признак. Родитель 2 купила мне тонну швейцарского шоколада, торт со взбитыми сливками и кожаную куртку. Я понял: дело неладно. И правда, на следующий день она пришла не одна, а с кавалером. Дедушка совсем поме-

шался на телефонных звонках. Звонил и рассказывал обо всем кому-то. Я спросил: «Кому ты звонишь, деда?» Он ответил, что друзьям своим звонит по институту: Васе, Косте и Ире с площади Ленина. Я очень удивился. Ведь они все умерли давно. Он звонит в рай? Если он звонит в рай, может, там найдется наша Карамелька? И хорошо бы спросить у Ганди, какого черта он молчал по субботам.

Тетя Лена врезалась в рекламный щит и бросила Родителя 1. Она позвонила Родителю 2, чтобы извиниться, но попала на меня. Мы поболтали.

Дела Родителя 1 пошли в гору, он сделал ремонт в своем кабинете и дал Родителю 2 много денег на шопинг. После магазинов Родитель 2 приезжала веселая, но с глазами, как у зомби. А Родитель 1 все говорил: «Мы будем жить лучше, мы будем жить хорошо». Мои родители редко бывали дома, и нам с Лизанькой никто не мешал играть в шахматы и молчать по субботам.

Но я замолчал и в воскресенье, когда дедушка надел свой лучший костюм и по-настоящему ушел на войну. Только не уточнил, на какую. Родители подали заявление в милицию, но деда так и не нашли. Зато я нашел Карамельку. Она жила под скамейкой в соседнем дворе. Прямо скажем, фиговый из нее Водолей получился.

Лизанька продолжала спать на моей кровати, и я не возражал. Она вставала очень рано и смотрела, как просыпается солнце за окном. Мы вместе смотрели. Однажды она расска-

зала мне, почему оказалась на улице. Я тогда подумал, что хоть я и не святой какой-нибудь, но буду исполнять все ее желания. Вот, что бы она ни захотела. Только однажды в пять утра Лизанька взяла своего плюшевого медведя, обняла его и умерла. А я взял телефон деда и позвонил ей.

– Лиза, Лизанька! Ганди молчал не по субботам. А по понедельникам. Слышишь?

Пусть она не ответила мне. Очень важно, чтобы тебя выслушали. Это круче всего.

Я ушел, чтобы никогда у меня не возникло желания плюнуть в свое отражение. Карамелька хотела пойти со мной, но я подумал, что для таксы метро – не самое лучшее место для жизни. Поэтому я взял с собой плюшевого медведя Лизаньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.